

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

В. Г. Елоров

ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ ГРАММАТИКА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА 1769 г.

(К 180-летию со дня выхода в свет)

В XVI в. чуваша вместе с другими народностями Поволжья вступили в состав Русского государства. Царское правительство с целью воспитания всех этих народов в нужном ему духе открывало у них школы, хотя и в весьма незначительном количестве; старалось насаждать среди них христианство и переводить на их языки книги религиозно-нравственного содержания. В Казани и в Нижнем-Новгороде (ныне г. Горький) в духовных учебных заведениях преподавались и «инородческие» языки, как называли тогда языки мелких народностей, и дети «инородцев» свободно принимались в эти школы. С XVIII в., по открытии Академии Наук, обращается серьезное внимание на изучение языка и быта народностей Поволжья. Членам ученых экспедиций, которые предпринимались во главе с академиками, предписывалось «всех чюжих языков пробы собирать» (Материалы по истории Академии Наук, II, 407). Екатерина II, которая еще будучи великой княгиней носилась с идеей сравнительного словаря всех языков и наречий земного шара, весьма поощрительно относилась к собиранию лексического и грамматического материала по «инородческим» языкам.

И первая чувашская грамматика, появившаяся в царствование Екатерины II, вызвана была к жизни, с одной стороны, для удовлетворения потребностей более подробного ознакомления с «инородцами» России, а с другой — для удовлетворения практических нужд сельского духовенства — хорошо изучить язык своей паствы для усиления продуктивности миссионерской деятельности среди нее.

В предисловии к самой книге о задачах и значении ее говорится так:

«Когда многие для разных причин желают знать языки не только ближних, но и отдаленных, не только нынешних, но и прежде бывших народов, то кольми паче надлежит нам стараться довольно узнать языки тех народов, которые между нами внутри пределов единого отечества обитают и составляют часть общества нашего. Не одно нас любопытство,

но и польза к тому поощрять должна, которая очевидна всякому, кто с ними обращается. Сочинитель книги себя похвалу заслуживает тем больше, что он первый подает пример. Нет сомнения, что и другие ему станут в сем деле последовать. Желаящим труд сей на себя принять предлежит пространное поле, так сказать, никем от века еще неоранное. Есть ли же бы никакой другой оттуда пользы мы не могли ожидать, то не довольно ли и той одной только, чтобы сим способом показать им и вперить в них мысли, что они суть члены тела нашего, что они наши сограждане и что мы их иначе и не почитаем. Начало часто подвержено недостаткам; однако при сем нет той опасности, чтобы оные со временем не были исправлены без всякого ущерба. Желать остается, чтобы достигли мы в сем через сие до того совершенства, которое потребуется от людей благоразумных при начинании всякого труда».

Указанная чувашская грамматика появилась под заглавием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (69 стр., in 4°). Грамматика эта опубликована была без указания фамилии автора, без обозначения места и времени печатания. Относительно места и времени издания этой книги можно уверенно сказать, что она напечатана в Москве, в Синодальной типографии, в 1769 г. Именно в этом году в газете «Петербургские Ведомости» (№ 41 от 22 мая) помещено было объявление о выходе этой книги из печати и поступлении ее в продажу. Объявлялось, что она в Петербурге продается в книжной лавке Академии Наук по 20 к. за экземпляр.

Эта же самая грамматика в 1775 г. Академией Наук без всяких изменений перепечатана была в Петербурге одновременно с грамматиками черемисского и вотского языков. Последним присвоено было аналогичное же заглавие: «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского (вотского) языка». Как в чувашской, так и в черемисской и вотской грамматиках авторы не указаны, и до настоящего времени не удастся их установить. В некоторых библиографических указателях составление этих трех грамматик приписывается архиепископу казанскому Вениамину Пуцеку-Григоровичу, который в миссионерских целях будто бы действительно изучал «инородческие» языки своей епархии. Некоторое подтверждение этому предположению стараются найти еще в том, что автор в чувашской грамматике применяет латинскую букву *g* для обозначения звонкого заднеязычного взрывного звука *ɣ*. Русская буква *г* для него как для украинца была знаком звонкого заднеязычного спиранта.

Мы имели случай подробно рассматривать все три грамматик и ни в коем случае не можем согласиться приписать их одному автору. Хотя они составлены приблизительно по одному типу, но грамматика чувашского языка значительно отличается от двух других грамматик. Например, в последних подробно трактуется об аффиксах принадлежности существительных и приводится множество примеров на них, а в чувашской грамматике об этих аффиксах совсем не упоминается. Различаются эти грамма-

тики и во многих других отношениях. Помимо того, трудно согласиться, чтобы Пуцек-Григорович в короткий срок смог в совершенстве изучить эти разноструктурные языки (тюркской и финской групп), а потому и в биографических сведениях о нем нигде не упоминается ни о составлении, ни о редактировании им этих грамматик. Вполне возможно допустить, что грамматики эти составлены были в Казани духовными лицами Казанской епархии по предложению и настоянию архиепископа Вениамина Пуцек-Григоровича, который, действительно, из всех архипастырей казанских резко выделялся своей пастырской ревностью и усердием. Повидимому, он же снабдил грамматики и указанным выше предисловием.

Об авторе первой чувашской грамматики можно сказать еще следующее. Казанская писательница Александра Фукс в своей книге «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии 1840», упоминая в числе литературы по чувашскому языку грамматику 1769 г., замечает: «Такая же грамматика в рукописи имеется у протоиерея Талиева в Казани» (стр. 136). По всей вероятности, это тот самый Петр Талиев, который в 1780-х годах, будучи учителем поэзии в Нижегородской духовной семинарии, принимал активное участие в переводах церковных книг на чувашский язык. Интересно было бы выяснить, не представляет ли собою талиевская рукопись оригинал чувашской грамматики 1769 г., не является ли Талиев автором этой грамматики, или же он сам списал ее с печатного издания, когда последнее сделалось библиографической редкостью.

В построении грамматики автор «Сочинения» находится в большой зависимости от грамматик классических языков. По примеру последних, и в чувашском языке он устанавливает восемь частей речи, в силу чего вынужден был совсем выпустить союз. Исходя, повидимому, из норм латинского языка, пять падежей латинской грамматики он целиком переносит в чувашскую грамматику. Падежи эти: именительный, родительный, дательный, винительный и относительный. «Относительным» он называет вынешний творительный падеж. Сначала мы, будучи уверены в том, что автор строит чувашскую грамматику по образцу русской, долго недоумевали, почему творительный падеж назван им «относительным», тем более, что в «Российской грамматике» Ломоносова, выпущенной за 12 лет до нашей грамматики, уже имеется творительный падеж. Только уже позднее, по тщательном ознакомлении с этим памятником, мы сообразили, что относительный падеж представляет собою буквальный перевод названия латинского «*casus ablativus*», хотя последний только в отдельных случаях, а именно при обозначении им орудия, посредством которого совершается действие (*ablativus instrumentalis*), приближается к чувашскому творительному падежу. *Casus ablativus* латинского языка в основных же своих функциях соответствует чувашскому исходному и местному падежам, о существовании которых автор «Сочинения», повидимому, и не подозре-

вал.¹ Последние открыты и описаны были в чувашском языке только через 100 лет после него Н. И. Золотницким.

Влияние грамматики классических языков на нашего автора проявляется также и в том, что он за начальную форму чувашских глаголов принимает первое лицо единственного числа настоящего времени и все глаголы приводит в этой форме. Например: *твадан* 'создаю', 'делаю', *каладап* 'сказываю', *хирхенедан* 'жалею' и т. д. Далее, из латинского алфавита автор заимствовал букву *g* для обозначения заднеязычного взрывного *ɣ*.

Рассматриваемая грамматика содержит в себе одну только морфологию, фонетики же и синтаксиса она совсем не затрагивает. В области существительных автор различает в чувашском языке два склонения: первое и второе.

К первому он относит твердый вариант склонения существительных. Например:

Единственное число	Множественное число
И. <i>сирла</i>	<i>сирла зам</i>
Р. <i>сирланьн</i>	<i>сирла замын</i>
Д. <i>сирлана</i>	<i>сирла зама</i>
В. <i>сирлана</i>	<i>сирла зама</i>
О. <i>сирла ба</i>	<i>сирла зам ба.</i>

Ко второму склонению автор относит мягкий вариант склонения. Например:

Единственное число	Множественное число
И. <i>нить</i>	<i>нить сем</i>
Р. <i>нидень</i>	<i>нить семьн</i>
Д. <i>нидя</i>	<i>нить семя и т. д.</i>

Относительно имен прилагательных автор заявляет, что «имена прилагательные в чувашском языке в числе наречий считаются, родов и чисел не имеют и через падежи не склоняются» (стр. 35). В разделе прилагательных у автора можно заметить одну особенность. Он, повидимому в целях приближения чувашских прилагательных к русским, некоторые из них употребляет с окончанием русских прилагательных мужского рода. Таких слов у него семь: *мамыкмый* 'пуховый', *свонатмый* 'крылатый', *пирьмый* 'подотвняный', *вилыммый* 'смертный', *кашкырмый* 'волчий', *тилмый* 'лисий' и *сюлмый* 'высокий'. Эту особенность мы отмечаем потому только, что она в рукописи анонимного «Словаря чувашского языка», написанной, повидимому, немного позднее «Сочинения», уже возводится в систему, и чуть не все прилагательные и числительные порядковые даются автором с указанным русским окончанием: *кубыкмый*, *выхытмый*, *холармый*, *кильдий*, *дватагий*, *биликмый*, *вонаший* и т. д.

¹ Он принимал их за сочетание имени с предлогом (последом).

Для имен числительных количественных и порядковых наш автор дает одну и ту же форму.

Например:

<i>перь, пря</i>	‘один’, ‘первый’
<i>икке</i>	‘два’, ‘второй’
<i>вичьсе</i>	‘три’, ‘третий’
<i>тватта</i>	‘четыре’, ‘четвертый’ и т. д.

В спряжении глаголов отмечаются и утвердительные и отрицательные формы, правильно производятся глагольные формы изъявительного и повелительного наклонений. С сослагательным наклонением, однако, автор не мог справиться, — за сослагательное наклонение он выдает формы прошедшего предварительного действия изъявительного наклонения: *Абь казярзаттым, ась казярзаттым, был казярзатче* и т. д. вместо *казярыттым, казярыттым* и т. д. Причастие прошедшего времени производится неправильно: *хушу казярче*, вместо *казярны*. Имеются в книге и другие неточности.

В первой чувашской грамматике довольно богато представлена и лексика чувашского языка. Она вкраплена в разные разделы морфологии. Например, на имя существительное приводится до 700 слов (стр. 13—34), на прилагательное — 140 (стр. 35—39), на глаголы — около 350 (стр. 52—62), на наречия — 135 слов (стр. 62—66) и т. д. В передаче слов замечаются некоторые неточности и ошибки. Объясняются они тем, что автор, по всей вероятности, не был из природных чуваш, в основу чувашской письменности положил русский алфавит без всяких изменений, без применения диакритических значков. Из-за этого в иных случаях страдает у него точная передача чувашских звуков, особенно редуцированных гласных *ä, ё*. Последние в разных фонетических положениях передаются различными буквами. Например, звук *a* обозначается то буквой *a* без ударения: *вонна* вместо *воннä* ‘десять’, *арам* вместо *арäm* ‘жена’, ‘женщина’, то буквой *ы*: *хыюлы* вместо *хйюллä* ‘смелый’, то буквой *у*: *кубук* вместо *капак* ‘пена’, то буквой *ь* (после *ч*): *качть* вместо *качй* ‘жених’, то оставляется он без всякого обозначения: *квак* вместо *кäвак* ‘синий’, а сочетание *йä* обозначается буквой *и*: *лаик* вместо *лайäк* ‘хороший’, *каик* вместо *кайäк* ‘птица’ и т. д. То же самое мы наблюдаем и в обозначении редуцированного звука *ё*, он тоже передается пятью-шестью способами. Часто одни и те же редуцированные звуки *ä* и *ё* в одних и тех же словах передаются различными буквами. Например: *ува* вместо *äвä* ‘трут’, *увис* вместо *äвäs* ‘осина’, ‘воск’, *либешь* вместо *лйёш* ‘бабочка’, *чибе* вместо *чйё* ‘цыпленок’ и т. д.

К фонетическим неточностям присоединяются и лексические неточности и ошибки: некоторые слова автор передает неправильно или смешивает их с другими. Например: *ыманадат* ‘завидую’ вместо ‘проклинаю’, *шмриладат*

‘воняю’, ‘смержу’ вместо ‘нюхаю’, *хьтланадан* вместо *хьдадан* ‘твердею’, *самар*, *мундар* ‘жир’ вместо ‘тучный’, ‘жирный’, *иорла* вместо *иора* ‘песня’, *сысна ашши* ‘боров’, *курка ашши* ‘индюк’, но *кошакази* ‘кот’ и т. д.

Особенно сильно затрудняют нашего автора слова отвлеченные, — они передаются им только приблизительно, с отдаленным намеком на истинное значение слова. Например: *хурамас* ‘безопасный’, букв. ‘не боится’, *буй* ‘богатство’, букв. ‘богатеи’, *херле* ‘красота’, букв. ‘красный’, *тохатма* ‘вред’, ‘порча’, букв. ‘напустить порчу’ и т. д. В иных случаях автор прибегает к чисто искусственным приемам словообразования. Например: *хибер* ‘радость’, *порныйл* ‘обыватель’, *сварзяхона* ‘свод’, букв. ‘округлив положил’, *сиратхон* ‘чернильница’, и т. д.

Интересно было бы определить, какой чувашский диалект лег в основу настоящей грамматики. По некоторым особенностям слов можно полагать, что в ней отражается главным образом говор Красночетаевского района Чувашской республики (по современному административному делению). Например, здесь встречаются слова: *майря* ‘русская женщина’, *мыряга* ‘стручок ореховый’ (‘рожки’), *кайрян* ‘после’, *пыде* ‘вошь’, *пайдях* ‘довольно’, *каляк* ‘мешалка’, *юлан* ‘всадник’, *хьнтла* ‘клоп’, *сябази* ‘цеп’, *лянас* ‘ведерко’ и др. Но, с другой стороны, параллельно с этими словами мы здесь находим в незначительном количестве чисто низовые слова: *сярзи* ‘воробей’, *иыт* ‘молодец’, *кюрюш* ‘сосед’, *улава сюрядан* ‘извозничая’ и др. В пользу красночетаевского говора данного памятника говорит также и то, что числительные количественные и порядковые имеют здесь одну общую форму. Повидимому, грамматика эта написана была уроженцем Красночетаевского района, но для печати редактировал ее и внес свои поправки и дополнения кто-нибудь из низовых.

Первая грамматика чувашского языка, несмотря на ряд отмеченных недостатков, несмотря на то, что сами чувашаи, кроме нескольких духовных лиц, почти не пользовались ею в свое время, имела все же весьма большое историческое значение. Как в истории разработки чувашского языка, так и в истории чувашской лексикографии она занимает довольно видное место. Грамматика эта послужила образцом для последующих грамматик чувашского языка. Например, появившееся через 67 лет после издания «Сочинения» «Начертание правил чувашского языка» Вишневого, которое можно назвать «второй печатной грамматикой чувашского языка», в изложении грамматического материала всецело следует данной грамматике. Даже для склонения и спряжения автор берет те же слова, какие даны в этой книге. Например: *сирла*, *сирланын*, *сирлана* и т. д. В качестве нового материала у Вишневого мы находим только раздел «Слова, сходные в чувашском, татарском и черемисском языках» (стр. 217—246) и краткие сведения из синтаксиса (стр. 61—67). Лексический материал чувашского языка Вишневский значительно увеличил и дал в приложении в виде довольно объемистого «Чувашско-русского словаря», содержащего до 3000 слов (стр. 69—216).

Весьма ценен рассматриваемый памятник чувашского языка и тем, что здесь сохранились старинные чувашские слова, ныне вышедшие из употребления. Из грамматики видно, что в XVIII в. у нас свободно бытовали слова: *сян* 'тело' (ср. *сансурэм*, диал. *касан*), *сыуксю* 'порука' (ср. *сак* 'ноша', 'тяжесть'), *хось* 'крест' (ср. перс. *кач*), *хрень* 'коршун', *халанадан* 'дивлюсь', *хердне* 'край', *кюндень* 'свидетель', *кюпчек* 'подушечка', *томта* 'поплина', *тоб* 'мяч', *адал иты* 'маргышка' (птица), *вирим холы* 'ива', 'верба', *витрим турры* 'чиж', *куртырмаи* 'кружок', *валем* 'часть' и др.

Ценность данного памятника можно видеть и в том, что он дает нам некоторые указания, хотя и очень скромные, о влиянии русской передовой культуры на чуваш, о постепенном проникновении ее в чувашский быт. Чуваша стали осваивать культурно-технические достижения русского народа с момента вступления своего в состав Московского государства. Однако в первое время сближение чуваш с русскими происходило очень медленно. Позднее же массовое участие чуваш в восстании трудовых масс русского народа под руководством Степана Разина, а немного раньше (в 1612 г.) участие их в ополчении Минина и Пожарского, а также широкое привлечение чуваш Петром I к лашманной повинности и пр., сильно способствовали более тесному сближению чуваш с русским крестьянством, что частично отражается и в нашем памятнике. Здесь мы находим до 25—30 русских слов, окончательно освоенных чувашами. Сюда относятся слова: *сога* (г фрикативное) 'соха', *вёлле* 'улей', *прена* 'бревно', *пичка* 'бочка', *квас черязэ* 'квашня', *кленчэ* 'скляница', *матча* 'матица', 'потолок', *ситка* 'зыбка', *соландча* 'солоница', *теме* 'серебряная монета', *анат* 'обед', *ыраж* 'рожь', *салат* 'солод' и т. д. В других рукописных памятниках XVIII в. имеется свыше сотни слов, заимствованных чувашами от русских вместе с обозначаемыми ими предметами хозяйственного обихода. Если сюда прибавить и производные от них слова, то это уже составит значительный лексический фонд чувашского языка, обязанный культурному влиянию русских.

Значение этой грамматики весьма велико и в том отношении, что она в свое время напомнила ученому миру о существовании чувашского языка и познакомила его с грамматическим строем этого языка. В свое время с нею считались и свои русские и западноевропейские ученые, как лингвисты, так и историки. Историческое значение этой грамматики превосходно охарактеризовал тотчас по выходе ее, а именно в 1770 г., московский корреспондент в немецком журнале «*Töttingische Anzeigen von Gelehrten Sachen*» (I, 419—420). Анонимный рецензент очень сожалеет, что «автор этой книги не настоящий лингвист», но все же отмечает далее: «работа его достойна серьезного внимания ученых: во-первых, она знакомит с мало известным доселе языком, а во-вторых, при помощи ее можно исправить общепринятую классификацию народов, по которой чуваш причисляли к финским народам, тогда как из грамматики ясно, что они по

языку настоящие татары с небольшими только диалектическими особенностями в языке. Почти все приводимые автором чувашские слова чисто татарские; они отличаются от соответствующих татарских только незначительными фонетическими особенностями» и т. д.

Точно так же и историк Шлёцер в 1771 г. в своем «Allgemeine Nordische Geschichte» пишет, что он раньше был уверен в финском происхождении чувашского языка, но когда познакомился с книгой «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», окончательно убедился в том, что чувашский язык представляет одно из татарских, а не финских наречий (стр. 305). Действительно, Шлёцер в своей книге «Probe Russischer Annalen», написанной за год до появления нашей грамматики, проводит теорию финского происхождения чувашского языка. Также и Гюнтер Валь в своей монографии «Allgemeine Geschichte der morgenländischen Sprachen und Litteratur» (1784) в отношении чувашского языка придерживается настоящей грамматики.

Несколько позднее (в 1819 г.) датский лингвист Раск, соглашаясь с Шлёцером в татарском происхождении чувашского языка, все примеры в подтверждение этой теории приводит из означенной грамматики и протестует против Аделунга, автора «Mithridates» (1806—1817), усматривающего в чувашском языке смешение финской и татарской стихии (см. его: Samlece, I, 43—46).

В начале XIX в. на первую чувашскую грамматику откликнулись и ученые Франции. В Париже в журнале «Journal Asiatique» за 1825 г. историк Левек (Lévesque) дал краткое изложение чувашской грамматики 1769 г. с некоторыми своими замечаниями под заглавием «Grammaire abrégée de la langue des Tchouvaches» (VI, 213—224, 267—276).

Таким образом, благодаря «Сочинениям, принадлежащим к грамматике чувашского языка» не только у нас в России, но и за рубежом — в Германии, в Дании и во Франции — стали интересоваться чувашским языком, что характеризует большое историческое значение этой первой грамматики чувашского языка.

Грамматика 1769 г. представляет большую библиографическую редкость. Она имеется в Библиотеке Академии Наук СССР, Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), в библиотеках Московского и Ленинградского университетов и в копии в Рукописном фонде Чувашского научно-исследовательского института.
